



## Йонас Глямжа

родился в 1935 году в Каунасе, кандидат архитектурных наук, профессор. В 1960–2000-е гг. руководил Инспекцией по охране памятников архитектуры Литвы, Советом по охране музеев и культурного наследия, Департаментом по охране памятников Министерства культуры Литвы, а также Союзом реставраторов Литвы. В 1981–1990 гг. вице-президент ICOMOS. Автор множества проектов восстановления ключевых объектов архитектурного наследия Литвы и научных публикаций.

Фото Анны Голубь

## Йонас Римантас Глямжа: Проводить Международный день памятников 18 апреля – мое предложение!

Jonas Rimantas Glemža:  
Holding the International Day for Monuments  
on April 18th is my suggestion!

**Professor Jonas Glemža is considered the father-founder of almost all major initiatives in the field of architectural heritage preservation in Vilnius and Lithuania over the past 40–50 years. He has also been a witness and participant in numerous important international events and discussions that have shaped the contemporary conceptual framework for working with cultural heritage. Among the many preserved sites thanks to his efforts, the complex of the former Augustinian Monastery on Savickas Street in Vilnius holds special value for us as it is where our university is located. Professor Glemža visited us on a warm April day, 2022 just before the International Day for Monuments.**

Сохранение культурного наследия предполагает его постоянное переосмысление и адаптацию к современным потребностям. Этот процесс бесконечен, и тем интереснее оглядываться назад, чтобы обнаружить изменчивость смыслов и мотивов, вкладываемых нашими предшественниками в ту же деятельность, которой мы занимаемся сегодня.

Профессор Йонас Глямжа является отцом-основателем почти всех основных инициатив в области сохранения архитектурного наследия Вильнюса и Литвы за последние 40–50 лет. Он же – свидетель и участник множества важных международных событий и дискуссий, определивших современный концептуальный аппарат работы с культурным наследием. Среди большого числа сохраненных благодаря его деятельности объектов для нас особой ценностью обладает комплекс бывшего августинского монастыря на ул. Савичаус в Вильнюсе, где, собственно, и расположен наш университет. Говорить об истории сохранения наследия с непосредственным ее участником – огромная честь, и тем ценнее, что сам профессор Глямжа навестил нас теплым апрельским днем накануне Международного дня памятников.

Вы работаете в охране культурного наследия с 1958 года. Это настолько давно, что трудно укладывается в голове. Но почему эта сфера вообще привлекла вас? Ведь конец 1950-х годов на первый взгляд не представляется временем, когда талантливые молодые люди должны были увлекаться старой архитектурой. Напротив, это был расцвет модернизма, типового строительства и прочего.

Да, я еще учился на инженера-архитектора в Каунасском политехническом институте, но уже официально работал в Государственной инспекции по охране памятников архитектуры при Госстрое Литовской ССР. То, что я там оказался, может быть, связано с любовью к истории. Это шло еще из семьи. Микалина Глемжайте, моя тетья, работала в музее и занималась этнографическими исследованиями, в частности историей национального костюма. Так что мое сердце уже было предрасположено к этой сфере, и я с удовольствием слушал лекции по истории архитектуры. Меня очень привлекал старый город Каунаса, а потом и Вильнюса. Стоило лишь углубиться, и становилось очевидно, насколько они насыщены историей. Это, конечно, вызывало пиетет.

Я уже был студентом, когда совершился перелом в архитектурной истории, я имею в виду советское постановление 1955 года («Об устранении излишеств в проектировании и строительстве»). Это открыло дорогу изучению архитектуры довоенного модернизма у нас в Каунасе. Мы поняли, что это очень ценная вещь, очень качественная! И мы, как архитекторы, воспитывались в этом окружении. Не говоря уже о старом городе: ратушная площадь, остатки Каунасского, Трокайского замков и так далее.

И вот, когда я был студентом шестого курса (тогда архитектуру изучали шесть лет!), я получил предложение поработать в сфере охраны наследия, радостно принял его и переехал в Вильнюс. Это была маленькая инспекция – на всю Литву четыре человека. Тогда только набирали штат, и я стал четвертым.

Как в начале 1960-х годов в архитектурной среде обсуждались задачи по сохранению наследия старых литовских городов?

Была настоящая битва! Особенно в Вильнюсе. Мы сейчас видим раны, возникшие из-за неразумной реконструкции. Тогда провозглашались идеалы социалистического города с широкими проспектами. «Вот, посмотрите на Минск!», – говорили нам. В 1954–56 годах началось расширение улицы Вокечю, которая в советское время называлась Музейная. На сегодня уцелела лишь историческая застройка в западной части улицы. Восточную уничтожили. Это не было инициативой местных архитекторов. Приехали архитекторы из Ленинграда и других городов. Хоть и с литовскими фамилиями, все они являлись выпускниками российских университетов и заняли руководящие места в проектных институтах. Главный архитектор города был таким же. И вот они наметили пробивать широкие проспекты, хоть это и противоречило градостроительной структуре.

Дело в том, что я не просто архитектурный факультет закончил, я еще и урбанист. Последние два года я посещал преподаваемые

нашими ведущими местными профессорами курсы по градостроительству. По разумному градостроительству! Одним из преподавателей был, например, профессор Казис Шешельгис (1915–1998). Они тогда руководили разработкой генерального плана по развитию Литвы. Идея заключалась в том, чтобы найти другую возможность для развития городов, отличную от того, что мы тогда видели в Латвии. Там все было сконцентрировано в Риге, и это стимулировало приезд огромного числа рабочих из других республик. У нас было более передовое мышление. Мы считали, что надо остановить расширение Вильнюса, а для этого планомерно развивать региональные центры, строить там предприятия новых отраслей. Тогда развиваются и сами регионы. Они получают импульс, ведь трудоустраиваются местные жители. Таким образом удалось предотвратить взрывной рост населения в Вильнюсе, и строительство проспектов в центре оказалось не настолько необходимым. Так сохранялось старое. Так что это было не просто.

Я, как урбанист, как раз занимался историческими городами. Мои самые первые предложения касались старого города Клайпеды. Это был 1961 год. Я был там несколько раз, видел историческую уличную сеть и разработал соответствующие охранные зоны и зоны регулируемой застройки. Все это на основе знаний, полученных в институте, поэтому я до сих пор очень благодарен нашим преподавателям.

Когда думаешь об этом времени, голова идет кругом. Еще нет ни Венецианской хартии, никаких ИКОМОСовских документов, еще не накоплен соответствующий опыт. Есть, конечно, опыт довоенный, но он ограничен, и, главное, что политическая ситуация принципиально иная. Изучая историю сохранения наследия в Беларуси, понимаешь, как непросто было аргументировать в пользу сохранения старого. Требовалось его постоянно «переводить»: из национальных одежд в свидетельства классовой борьбы и, скажем, «хищнического католицизма», если речь шла о костелах. Как Вы себя чувствовали в окружении этой риторики?

Здесь это все тоже было, конечно! Думаю, нам очень помогало то, что Советская Литва, хотя и была советской, сразу приняла положение об охране памятников культуры. При этом, согласно союзному постановлению 1950 года, республикам разрешалось создание своих реставрационных мастерских. Литва, Латвия и Эстония создали их в тот же год. Осенью согласно решению правительства в Вильнюсе при Госстрое появилась Реставрационная производственная мастерская. В Беларуси этого еще долго не было (до 1968 года!). Тогда же началась реставрация Трокайского замка. Думаю, это было следствием накопленного довоенного фундамента, который не был отброшен. Начиная с 1959 года проводились совместные конференции

реставраторов и работников охраны памятников Прибалтийских республик. Самая первая прошла в Вильнюсе, тоже осенью. Через пару лет было решено делать их поочередно то в Латвии, то в Эстонии, то в Литве. В 1980-х годах в них участвовали и белорусские коллеги.

А когда вы впервые услышали про Венецианскую хартию, принятую в 1964 году, и насколько это было значимым для Литвы?

Я лично был в Венеции! В СССР для участия во 2-м Международном конгрессе реставраторов создали официальную делегацию из пяти человек во главе с Владимиром Ивановым. Такая светлая личность! А еще от Союза архитекторов, где тогда была довольно сильная секция охраны памятников, поехала специальная туристическая группа из двадцати человек. Я оказался в этой группе. В программе была не только Венеция. Мы посетили и Виченцу, и Рим, и другие города. Целое турне на две недели, с тем чтобы как раз оказаться в Венеции в дни проведения конгресса. У нас была запланирована экскурсия по Венеции, но мы с грузинами, ничего не посмотрев, поплыли на гондоле на остров Сан-Джорджия, где в бывшем монастыре Сан-Джорджо-Маджоре проходил этот конгресс. Там же я, кстати, познакомился со Станиславом Лоренцем. На конгрессе приняли Венецианскую хартию и учредили ИКОМОС. Год спустя Владимир Иванов стал его вице-президентом.

Мы это ощущали как большое дело, тем более что ИКОМОС стал главным органом по культурному наследию для ЮНЕСКО и Советский Союз не хотел оставаться в стороне.

Сам текст хартии впервые попал к нам в польском переводе, в журнале Ochrona Zabytków (Охрана памятников). Его сразу же перевели на литовский и поместили в сборник ARSNIKTŪROS RAMINKLAI (Памятники архитектуры). Потом, правда, ее пришлось переводить заново, когда мы получили английский и французский оригинальные тексты. Мы тогда увидели, что поляки согласно своим традициям поменяли некоторые термины.

Образ мыслей наших реставраторов в то время уже был довольно близок положениям Хартии. Самый яркий образец здесь в Вильнюсе – готический дом на ул. Пилес, 12. Я два года от Инспекции по охране памятников вел архитектурный надзор его реставрации. Реставрация велась только по обнаруженным данным, без каких бы то ни было добавлений. Со стороны улицы восстановили некоторые своды, а того, о чем точно не знали, не стали придумывать, поэтому со двора там возвели нормальный жилой дом 1960-х годов. Это в точности отвечает принципам Хартии! Кстати, когда дом закончили, я 16 лет в нем прожил.

А ведь Вы затем также стали вице-президентом международного ИКОМОСа. Расскажите, как это было?

Да, с 1981 по 1990 год я тоже был вице-президентом ИКОМОСа. Я долго думал, почему именно меня выдвинули туда от Советского Союза. После 1964 года сначала было так, что от СССР на генеральные ассамблеи ИКОМОСа ездил вице-президент Иванов с переводчицей, и она ему прямо во время заседаний переводила. Хотя он немного и владел английским, самому ему было трудновато. Однако с 1980 года в целях экономии было решено больше переводчика не отправлять. Тогда возник вопрос владения языком. А я, хоть и слабовато, но мог разговаривать по-английски, потому что еще до этого, в 1979, году попал на программу обмена специалистов между западными и социалистическими странами (в соответствии с Хельсинкскими соглашениями). Каждая страна могла отправить одного специалиста по реставрации и охране памятников на двухмесячную стажировку. И меня взяли! Сначала всех собрали в Париже, в штаб-квартире ЮНЕСКО, потом распределили по странам. Я попал в Англию. Помню, когда приехал в посольство Великобритании в Париже, мне задали единственный вопрос: «Вы литовец?» – «Да, литовец». И через полчаса виза была готова.

Я там хорошо себя показал, и потом мне доверяли. Но это лишь с одной стороны. А с другой, в вице-президенты ИКОМОСа меня номинировали в довольно тяжелой международной ситуации. Шла война в Афганистане, и во всех международных организациях весьма негативно смотрели на представителей СССР. Так вот, я думаю, что выставить мою кандидатуру, как бы немного несоветскую, было таким хитрым ходом. Мне выпало три раза в год участвовать в заседаниях Бюро ИКОМОСа, где бы они не проходили, и не просто слушать, но и выступать, что-то предлагать. Я мог обсуждать разные вопросы с мировыми специалистами: и спрашивал, и что-то сам объяснял. Так я прошел серьезную международную школу.

Я участвовал в разработке Международной хартии по сохранению исторических городов и градостроительных территорий 1987 года, которую в соответствии с местом утверждения часто называют «Вашингтонской». Ее текст не получил должного числа голосов во время последнего перед Вашингтоном заседания бюро ИКОМОСа в Париже, и только благодаря нам с норвежским коллегой, тоже вице-президентом (а всего их пять) Стефаном Чуди-Мадсенем (1923–2007) удалось убедить членов бюро быстро изменить некоторые пункты Хартии и в тот же день переголосовать. Так и получилось. А то ведь Хартии могло и не быть.

Проводить Международный день памятников и исторических мест 18 апреля – это было мое предложение на заседании бюро в

Тунисе в 1982 году. Было известно, что 18 мая – это Международный день музеев, поэтому я предложил, что вторая дата по наследию должна быть похожей, поэтому давайте тоже проводить 18-го, но апреля. Меня поддержали.

Также я поспособствовал сохранению венгерского наследия в Румынии, написав в качестве вице-президента ИКОМОСа письмо министру культуры Румынии о том, что мы получили сведения о неуважении к венгерскому культурному наследию в вашей стране и нужно что-то с этим делать. А румынским министром культуры была Елена Чаушеску, та самая жена Николае Чаушеску, и она через некоторое время выразила протест. Румынский посол прибыл в Министерство культуры СССР в Москве и очень удивился, что Йонас Глямжа не работает в главном министерстве, а он вообще из Вильнюса. Мне потом передали, что за моей деятельностью следят.

Какими были Ваши впечатления от общения с белорусскими коллегами в то время?

В советском ИКОМОСе появилась идея создавать региональные группы, и я сразу предложил, что наша группа будет состоять из стран Прибалтики. Украина была сама по себе, Россия тоже. В Средней Азии первую и последнюю региональную конференцию провели в 1986 году. В Беларуси не было членов ИКОМОСа, но ваши специалисты все равно к нам приезжали. Самый первый их доклад, прочитанный в 1980 году в Клайпеде, касался Лидского замка. И любопытно, что уже в то время белорусские проектировщики на своих проектах рисовали герб «Колюмны» («Столбы Гедимины»). У нас к этому тогда относились еще очень настороженно.

В 1980 году белорусской стороне было предложено две возможности: или вы делаете свою группу с региональной группой ИКОМОС Прибалтики, или вы с РСФСР. В вот я получил весть из Министерства культуры БССР, даже сейчас кажется, что это был звонок самого министра: «Мы с Прибалтикой, имейте нас в виду!». И вот так Беларусь вошла в нашу группу. А так как каждые два года мы меняли место проведения конференций, в 1984 году очередная состоялась в двух частях – в Минске и Витебске. Я помню директора «Белреставрации» Сергея Друщица (1941–2015); помню, как обрадовался, увидев фрагмент исторического центра Минска после реставрации – пару кварталов. Было очень приятно, что вам это удалось! Помню, ваши реставраторы консультировались с нами по Кревскому замку. В новое время, в 1990-е годы, мы сотрудничали с Белорусским фондом культуры. С его директором Владимиром Гилепом мне удалось несколько раз встретиться.

Еще я общался с историком архитектуры Владимиром Чантурия (1923–1988) и всерьез принял огромную работу, выполненную в белорусской Академии наук по составлению свода памятников истории и культуры Беларуси. Я участвовал в расширенном заседании редакционной комиссии, когда обсуждался макет самого первого тома. И Беларусь была единственной республикой, которая издала весь Свод целиком, по всем областям.

Эта работа была очень непростой, издание первого тома, подготовленного еще в 1972 году, отложили на несколько лет именно по идеологическим соображениям. Он был издан лишь спустя 12 лет (!), когда ситуация поменялась. То есть все шло через борьбу.

А как вы думали! Так было и с нашим Сводом. Том по Вильнюсу, самый первый, издали вообще только в 1988 году. И потом, в 1992–93 годах издали еще два тома по Восточной Литве. Только три, и все. Хотя материал был собран для всех томов, но работа заглохла.

Нельзя не спросить Вас еще и про Конвенцию ЮНЕСКО 1972 года, посвященную охране Всемирного наследия. Насколько важной она казалась вам в год принятия, и когда Вы осознали, что Вильнюс имеет потенциал стать объектом Всемирного наследия?

Мы знали о ее принятии, так как всегда получали информацию о принимаемых документах. Тогда мы это восприняли как важный документ, но он представлялся нам сильно политизированным. Имейте в виду, это была американская инициатива. Шло противостояние, и Конвенция 1972 года тоже была результатом политической битвы.

И только в 1988 году я инициировал включение Вильнюса в Список всемирного наследия. Тогда же СССР ратифицировал эту Конвенцию, но для нас совсем не это было важным. Все уже было по-другому, в Литве развивался Саюдис, все бурлило, и я уже совсем мало времени мог уделять международному ИКОМОСу, поэтому задумался: «Что я мог бы сделать там для Литвы? Вот если бы удалось создать условия для включения Вильнюса в Список!»

Тогда в Италии под руководством тогдашнего президента ИКОМОСа Роберто Ди Стефано издавался ежеквартальный сборник «Информация ИКОМОСа». Это было научное издание со статьями по всем регионам. Я предложил туда статью о проектах регенерации старого города в Вильнюсе: какие идеи мы осуществляем, какие подходы реализуем, с какими проблемами сталкиваемся и тому подобное. Я также подобрал множество иллюстраций. Полу-

чилося серйозне збирання інформації. В квітні 1989 року вийшов другий номер цього видання, і у нього на обкладинці – гравюра Вільнюса 1576 року з атласу Брауна і Хогенберга. Це розсилювалося по всіх країнах! Отримувалося, це вже була майже заявка. Потім в 1990 році я особисто заповнив бланки офіційної форми на статус кандидата в Список, і далі все було передбачено. В 1994 році нас включили в Список всесвітньої спадщини першими з країн Балтії. Таллін і Рига – тільки потім.

Ви як-то згадали, що маєте стосунок до рішення долі комплексу колишнього августинського монастиря в Вільнюсі, де зараз знаходиться наш університет. Чи була небезпека його збереженню?

Так, я керував дипломною роботою, присвяченою реставрації монастирського корпусу і кілька разів був там, коли корпус ще використовувався під складські приміщення. Стіни і склади були в порівняно хорошому стані, так що небезпека розвалу йому не загрожувала. Однак небезпека загрожувала костелу. Він взагалі був в трагічному положенні. Я кажу про 1960 рік. В одній з наших газет тоді написали, що будинок аварійний, вежа може обрушитися на пішоходів, а тому стоїло б ліквідувати «очаг небезпеки». В Госстрой, в складі якого як раз знаходилася Інспекція охорони пам'яток архітектури, прийшло лист з вимогою прийняти заходи. Я підготував відповідь, що ремонт може обійтися дешевше розвалу, і потрібно шукати вихід. А вихід знайти було важко, так як ніхто не хотів брати на себе відповідальність за справу аварійного будинку костела. Він же постраждав в час війни, була пошкоджена вежа і трохи дах. Там працювали деякі майстерські автобаси, ремонтували двигуни.

Ми були згодні з тим, що будинок міг би використовуватися для різних потреб, не обов'язково релігійних. Почали шукати того, хто міг би прийняти його, і знайшли торгову базу, погодившись відремонтувати костел ззовні і навіть зробити черепичний дах, але тільки з умовою: всередині ми дозволимо зробити поверхи. Ми і погодилися, але тільки зобов'язали кріпити їх не на стіни костела, а на самостійних колоннах. Все це спроектували і здійснили наші реставратори. Сьогодні, звичайно, можна сказати, що це поганий приклад, я це визнаю, але потрібно було рятувати будинок і його прекрасну вежу! Тепер йде підготовка завдання на проектування реконструкції церкви, але тоді вона була рятувана таким чином.

Что бы Вы сказали белорусам, нашим студентам, которые занимаются культурным наследием, хотя были вынуждены уехать из Беларуси в Вильнюс, Варшаву, Тбилиси и другие города с неясными перспективами возвращения?

Думаю, самое главное – продолжать изучать свое наследие, не оставлять это. По возможности искать архивные документы, которые хранятся в других странах. Может оказаться, что эти данные будут полезны для будущего. Нельзя терять надежду. Собирайте зерно к зерну, потому что все это пригодится и для самого понимания наследия, и для его сохранения и реставрации, когда до этого дойдет. Обязательно будет лучшее время!

Беседовал Степан Стурейко